

Богданов Владимир Сергеевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
valarf@mail.ru

Почестнев Александр Анатольевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
apochestnev@yandex.ru

Вопросы консолидации и компаративности данных онлайн-экспертного опроса с результатами массового опроса (на материалах изучения процессов социального группообразования в рамках реализации национальных проектов в 4 пилотных регионах)¹³³

Аннотация. Объектом исследования является процесс социального группообразования и критерии его управляемости, формирующиеся в контексте реализации национальных проектов как на различных уровнях властно-управленческой вертикали, так и на территориях (регионах) с различным уровнем социокультурной модернизации. В статье обсуждается практика использования дистанционных методов сбора и анализа данных, призванных обеспечить успешную апробацию индексов измерения процесса социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержку населением стратегии развития РФ до 2024 года. На первый план выдвигается значимость и перспектива экспертного онлайн-опроса как главного метода сбора целевой (проблемной) информации. Рассматриваются вопросы сензитивности, консолидации и компаративности данных социальной экспертизы с данными массового исследования. **Ключевые слова:** социальное группообразование; экспертный онлайн-опрос; цифровая трансформация; дистанционные методы исследования; доступность респондента; уровни социокультурной модернизации регионов; оценка управляемости процессов спонтанного группообразования; методология и методы социологического мониторинга реализации прорывных проектов

Bogdanov Vladimir Sergevich
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
valarf@mail.ru

Pochestnev Aleksandr Anatolevich
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
apochestnev@yandex.ru

¹³³ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19–18–00345).

Issues of consolidation and comparativity of online experts survey data with mass survey results (on the materials of studying the processes of social group formation within the framework of implementation of national projects in 4 pilot regions)

Abstract. The object of the study is the process of social grouping and the criteria for its controllability, which are formed in the context of the implementation of national projects at various levels of the power vertical in different regions with different levels of sociocultural modernization. The article discusses the use of remote methods of data collection and analysis to measure the process of social grouping in regions with different levels of socio-cultural modernization and public support for the development strategy of the Russian Federation until 2024. It reflects the prospect of an expert online survey as the main method of collecting targeted (problematic) information. The issues of sensitivity, consolidation and comparability of data of social expertise with the data of mass research are considered.

Keywords: social grouping; expert online survey; digital transformation; distance research methods; respondent accessibility; levels of socio-cultural modernization of regions; assessment of the controllability of spontaneous grouping processes; methodology and methods of sociological monitoring of breakthrough projects

Постановка проблемы. Для начала выделим актуальность двух проблем, а именно *практическую и научную*, экспликацию которых мы выполняем в рамках работы Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН по теме управления процессами социального группообразования. Данное исследование представляет собой продолжение исследования по гранту РФФИ № 15-18-30077 в 2015–2017 гг. в условиях реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В соответствии с этим Указом, а также заявлениями и посылком Президента в послании Федеральному Собранию 2019 года на территории Российской Федерации запущена разработка и реализация национальных проектов, цель которых на основе организации оптимального взаимодействия органов власти и населения, привлечь стейкхолдеров (заинтересованных личностей, а также целевых групп среди врачей, учителей) к реализации национальных проектов в регионах с различным уровнем технико-технологической и социокультурной модернизации, чтобы обеспечить наилучшее «достижение нового качества жизни для всех поколений». Здесь, по сути, возникает практическая проблема управления, связанная с оптимизацией достижения целей и задач «прорывных» проектов и реализации стратегических решений по развитию регионов. Но как отмечает в своем докладе 2020 года Академик РАН Глазьев С. Ю. «официальные цели социально-экономического развития формулируются Президентом России в качестве общих ориентиров качественного характера», поэтому «между показателями их достижения и

реальными механизмами управления нет обратной связи»¹³⁴. Глазьев говорит еще об одной деформации сложившейся системы властно-управленческой вертикали, а именно о том, что государственное управление на всех этажах «буксует». Стратегическое управление носит имитационный характер, т.к. российским госслужащим не хватает компетентности для реализации процедур предусмотренных в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Несмотря на то, что на основании этого закона принято более чем 60 тысяч документов стратегического планирования, они, к сожалению, не оказывают должного влияния на социальные преобразования и экономическое развитие. С еще не до конца развернутой законодательно утвержденной системы стратегического планирования, Правительство РФ занялось национальными проектами. Исходя из этого и других функциональных деформаций властно-управленческой вертикали (допустим диссонанс нормативного сознания госслужащих, проектного управления и хаотичного процесса цифровизации) мы можем констатировать, что пока «умное регулирование» как правовая и проектно-управленческая концепция технократического толка детерминирует в основе государственного управления, а социальноориентированное (или «умное управление») управление на принципах выделения стейкхолдеров и установления с ними социальной обратной связи для решения социально значимых проблем регионов находится на периферии внимания госслужащих на всех уровнях функционирования властно-управленческой вертикали [Тихонов, Богданов, 2020].

Для осуществления рационально-познавательного управления процессами социокультурной модернизации регионов, ситуацию с которой подробно эксплицировал ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина, должна быть создана информационная основа для разработки и принятия решения о внесении коррекций в механизмы реализации стратегических программ развития. Такой базой могут стать данные социолого-управленческого мониторинга этапов и механизмов осуществления индустриальной и цифровой модернизации территорий. Мониторинг должен позволить выявлять проблемы и барьеры, деформирующие разные стороны процесса, причем как на основе всесторонней, детальной объективной оценки ситуации (данные Росстата), так и субъективной – экспертов и жителей регионов. Последние оценки принято фиксировать при помощи массового опроса граждан, в рамках которого каждый респондент может указать на отдельные стороны назревающих или имеющихся проблем. Однако в связи с тем, что мониторинговые процедуры необходимо осуществлять постоянно, то такой метод как опрос населения явно не подходит в связи с его дороговизной, длительностью сбора данных, а теперь еще добавляется и проблема доступности респондентов во время пандемии. Экспертный

¹³⁴ Доклад подготовлен в рамках работы по государственному заданию Финуниверситета при Правительстве по фундаментальной научно-исследовательской работе на тему: «Цикличность развития мирохозяйственных укладов».

онлайн-опрос позволяет оптимизировать этот процесс. В связи с этим возникает задача доказательства релевантности получаемой информации в ходе социальной экспертизы, в том числе на предмет её консолидации и компаративности данным массового опроса. Помимо этого, по многим организационно-управленческим проблемам региона жители обладают недостаточной компетенцией и информацией, чтобы судить о характере существующих барьеров и их следствиях – деформациях управления. Как раз эксперты могут предоставить релевантную информацию в разрезе многоаспектности проблем социокультурного развития регионов и компетентно «закрыть» пробелы в контексте получения знаний об объекте управления и субъекте управления, о функциях управления, и, конечно же, об организации социальной обратной связи.

По нашему мнению, качество обратной связи, а именно её технократический или социальноориентированный характер, определяют зачатки (предпосылки) социального группообразования в коммуникативной среде регионов. Наши предыдущие исследования отношения населения к деятельности и функционированию отечественной властно-управленческой вертикали [Россия: реформирование, 2017], указывают на то, что технократическая сущность социального группообразования, предпосылки и критерии формирования которой задаются сверху – органами власти, приводит скорее к воспроизводству социально-политической субъектности, а именно к выделению регионального субъекта принятия решений на основе политической воли, а не на принятии сбалансированного мнения стейкхолдеров конкретного региона. В этом проблемном контексте нами актуализировано исследование процессов социального группообразования и поддержки населением стратегии развития Российской Федерации до 2024 года, продуцируемые в ходе разработки и реализации национальных проектов.

Для исследовательских целей в 2019 году отобраны 4 пилотных региона Российской Федерации, дифференцированных по признаку социокультурной модернизации территорий России. Дополнительно 8 регионов будут охвачены исследованием в 2020 году.

Следует сказать, что для более полной экспликации гипотез заявленного исследовательского проекта принято решение задействовать целый ряд дистанционных направлений сбора и анализа данных: массовый опрос, экспертный онлайн-опрос, анализ СМИ и социальных сообществ в сети ВКОНТАКТЕ. По сути, мы выходим на новый уровень осмысления использования больших объемов данных (Big Data) для объективации управляемости социальных процессов, в частности изучения качества организации социальной среды, в которой определенным образом воспроизводятся и реализуются взаимодействия социальных субъектов управления (агентов социальных преобразований) для достижения конкретных стратегических целей. Однако, сразу отметим, что данные анализа СМИ и социальных сетей могут нести скорее вспомогательный характер для выяснения характеристик и критериев заявленного объекта исследования. Это связано в первую очередь с тем, что региональные газеты сегодня читает лишь 20–30 % опрошиваемой аудитории (на

основе данных наших исследований), а в социальных сетях мы можем зафиксировать лишь редуцированные сообщения отдельных субъектов, порой даже неподдающихся идентификации или транслирующие мнение специально обученных спам-ботов. Т.е. зерна целевой информации, очищенные от плевел информационного шума, могут нам предоставить скорее *фоновую информацию*, чем *верифицированные данные* для фиксации устойчивых социальных трендов и экспликации закономерностей управляемости социальных процессов. В этой проблемной плоскости выкристаллизовывается новая теоретико-методологическая проблема отраслевой дисциплины «Социологии управления», требующая в первую очередь четкой технологии использования дистанционных методов сбора и анализа данных, выявления главных (экспертный и массовый опросы) и вспомогательных методов (анализ СМИ и социальных сетей) позволяющих извлекать целевую информацию, и во вторую очередь, в ходе нашего исследовательского проекта показать значимость и перспективность апробации дистанционных методов для выявления и установлении закономерностей процессов явного и латентного социального группобразования, его возможные интеграционно-конструктивные и/или оппозиционно-деструктивные характеристики, уровни и степень управляемости этим процессом в контексте реализации национальных проектов и решении социально значимых проблем регионов с различным уровнем социокультурной модернизации.

Как отмечают Тихонов А. В. и Мерзляков А. А. [Тихонов, Мерзляков, 2019] «управляемость социальных процессов беспокоит государство и граждан не в меньшей степени, чем уровень инфляции, безработица или обороноспособность страны. Эффективное управление должно постоянно учитывать внутренние противоречия между интересами различных социальных групп и категорий населения, и своевременно отвечать на внешние вызовы и угрозы». Однако, на возникающие в этой связи вопросы, нельзя ответить без проведения соответствующих исследований. В этом отношении правы те, кто отводит социологам роль включенных в систему управления специализированных экспертов. Также коллеги, изучив международный и отечественный опыт управления социальным группобразованием заявляют, что социологический цех пока не располагает надежными сведениями о закономерностях, на которые управление могло бы опереться для предотвращения неблагоприятных последствий функционирования властно-управленческой вертикали. В связи с этим, мы полагаем, что процесс социального группобразования сегодня должен быть изучен на всех уровнях социологической теории – от микро- до макроуровня при помощи методологии сетевого анализа, массового опроса, анализа печатных и онлайн СМИ, и, конечно же, при помощи экспертного онлайн опроса, позволяющего выявить институциональные позиции экспертов в контексте заявленной научно-исследовательской проблемы.

В связи с этим мы выдвигаем цели двухуровневого порядка. **Первая цель касается общего исследования** – сопоставление данных экспертного онлайн-опроса с данными массового опроса о характере социального группобразования в регионах с

различным уровнем социокультурной модернизации и уровне сложившейся управляемости социально-экономических и организационно-управленческих процессов организации социальной среды региона, в которой определенным образом воспроизводятся и реализуются взаимодействия социальных субъектов управления для достижения конкретных целей. Вторая **цель связана с анализом данных экспертного опроса** – выявление и установление латентных характеристик творческой (функциональной, креативной) группы среди экспертов готовых к включению в процессы социального группообразования для решения социально значимых проблем в рамках разработки и реализации национальных проектов в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Подобную процедуру не позволит произвести не один из заявленных методов Big Data.

Эмпирическая база исследования. *Основания отбора регионов.* Научно-исследовательская работа по проекту охватывает на данном этапе четыре (из 12) пилотные территории, отобранные по версии рейтинга социокультурной модернизации регионов Н. И. Лапина [Лапин, 2009]: Московская область (высокий уровень), Республика Башкортостан (средний уровень), Белгородская область (уровень ниже среднего), Республика Калмыкия (низкий уровень).

В 2015 и 2019 гг. в указанных регионах проведены массовые полевые опросы населения (по 500 респондентов в каждом) и собраны 200 экспертных анкет в соответствии с 10-квотными группами с достижением общего суммарного показателя – 50 интервью в одном субъекте РФ. В качестве квотных групп выделены следующие:

1. Руководство консалтинговых агентств, независимых институтов развития регионов, муниципальных образований и подобных консультативно-управленческих организаций.
2. Представители общественных организаций.
3. Руководство научно-исследовательских организаций.
4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений.
5. Руководство промышленных организаций (крупные предприятия и заводы).
6. Представители бизнеса и строительной отрасли (директор, зам. директор).
7. Представители торговли – владельцы магазинов, салонов и т. п.
8. Общественно-политические деятели (депутаты, политики).
9. Представители экологического сообщества (эксперты, руководители экологических направлений и организаций).
10. Представители, должностные лица, сотрудники региональных и местных администраций.

Социально-статусный портрет эксперта-участника. Валидность полученных данных подтверждается зафиксированными профессионально управленческими характеристиками компетентности экспертов как в 2015, так и 2019 гг. Большинство участников опроса (84 %) имеют опыт управленческой деятельности (2015 г.), из

которых 44 % на данный момент находятся на управленческих должностях в организациях. Еще 21 % заявляют об опыте занятости в структуре региональных, городских органов управления, 26 % занимают или занимали руководящие должности в органах государственной власти и местного самоуправления, а 48 % исполняли обязанности на уровне среднего и низшего звена управления на производстве. В 2019 г. количественный состав участников, имеющих опыт управленческой работы, стал немного больше, чем в 2015 г., и зафиксирован на отметке 93 %. Структура личного участия в сферах управления практически идентична в 2015 и 2019 гг.

Большая часть экспертов в 2015 г. является руководителями высшего (28 %), среднего и низшего звена (43 %), причем почти 70 % из них оценивают свой управленческий опыт в целом как успешный. Подобная картина наблюдается и по данным экспертного опроса 2019 г., правда с небольшим перевесом в сторону руководителей высшего звена в сравнении с 2015 г. (34 %), и более успешной оценкой своего опыта руководящей деятельности.

В целом значительное число экспертов имеют высшее образование и ученые степени: высшее образование – 77 % (2015) и 73 % (2019), около 20 % со степенью кандидата наук (как в 2015 г., так и в 2019 г.). Степень доктора наук: 6 % в 2015 г. и 9 % в 2019 г. Эти показатели, безусловно, обеспечивают получение взвешенных экспертных оценок в соответствии с уровнем их квалификации.

Если говорить об отраслевой принадлежности, то на наш призыв принять участие в предыдущем и текущем исследовании охотнее откликнулись представители региональной науки, образования и культуры (36 % – 2015 г., 40 % – 2019 г.). Практически в равных долях ответили руководители и специалисты производственных и непромышленных организаций (26 и 25 % соответственно), а также сотрудники учреждений и компаний, отвечающих за поддержание и развитие региональной инфраструктуры (24 и 26 %). Аппарат органов власти, управления и правопорядка представлен в меньшей степени – 14 % в 2015 г. и 9 % в 2019 г., что объясняется совпадением сбора данных в регионах с периодом выборов в региональные и местные органы власти.

По гендерному признаку экспертные группы практически близки к 2015 г. – 54 % мужчины и 46 % женщины и с небольшим перевесом в 2019 г. в сторону мужской аудитории экспертов (59 %). И у тех и у других наблюдается достаточно высокий уровень социальной активности (60 %) в контексте занятости общественной работой (политической, благотворительной, конфессиональной и т.п.). В 2019 г. этот показатель оказался чуть выше и составил 65 %.

Помимо этого, в 2015 г. 67 % экспертов представили конкретные предложения по улучшению ситуации в регионе в целом, а 33 % готовы были внести конкретные предложения по улучшению работы системы управления регионом или её коренному изменению. В 2019 г. 32 % от опрошенной аудитории являются непосредственно участниками разработки и реализации национальных проектов в регионах, еще 40 %

заявили о том, что по какой-либо причине не приняли участие в программных мероприятиях по национальным проектам, но желали бы это сделать, если последует приглашение и будут созданы соответствующие условия для подобной работы, взаимодействия.

Подавляющее большинство экспертов отметили свой высокий уровень включенности в процессы информатизации, в том числе имеют ежедневную практику обращения к Интернету. В свою очередь, это устраняет какие-либо сомнения по поводу технических сложностей и барьеров, которые могли бы возникнуть у экспертов при заполнении опросного листа и негативно повлиять на качество заполнения анкеты.

Сензитивность данных экспертного опроса в сравнении с данными массового опроса. Как уже было отмечено ранее для создания «умного управления» процессами социокультурной модернизации регионов необходимо создать информационную базу, которая обеспечивает обратную связь для оценки хода модернизации. Эта информация с одной стороны должна показывать истинную картину происходящего, учитывать восприятие реальности различных групп населения, а, с другой стороны быть достаточно экономичной. Возник вопрос относительно методов сбора информации: формальный статистический, экспертный опрос, массовый опрос, анализ СМИ и социальных сетей. На данном этапе проверялось сходство данных массового и экспертного опросов. Для определения сензитивности методов необходимо было провести сравнение данных по достаточно большому объему показателей, представленных в сопоставимых шкалах измерения. К тому же они должны были содержаться как в массовом, так и в экспертном опросах. В рамках исследования по гранту РФФИ № 15–18–30077 такие показатели были обнаружены. В качестве тестовых показателей были взяты 32 показателя, характеризующие уровень развития социо-культурных и социо-экономических аспектов региона (первый блок), 32 показателя, отражающих действие властей по решению проблем в указанных направлениях (второй блок) и 8 показателей представляющих общую оценку деятельности участников регионального развития (третий блок). Во-первых, данные показатели отражают самые важные аспекты социокультурного развития регионов. Эти показатели позволяют определить блок основных проблемных направлений в развитии регионов, что является сутью социолого-управленческого мониторинга модернизации территорий. Во-вторых, эти показатели представлены в псевдометрической пятибалльной шкале, в которой 1 балл отражает очень плохое состояние параметра, а 5 баллов – отличное. Это позволило использовать статистические методы для сравнения данных массового и экспертного опросов.

Для оценки согласованности данных первоначально был проведен корреляционный анализ. В качестве критерия, определявшего взаимосвязь оценок в первом и втором блоке, был использован параметрический коэффициент корреляции Пирсона, а в третьем блоке – непараметрический коэффициент Спирмана, т.к. в нем

оказалось всего 8 параметров, что явно недостаточно для использования параметрических методов анализа (Табл.1).

Таблица 1. Степень согласованности оценок активность региона в социокультурном развитии массового и экспертного опросов

Степень согласованности	N (количество элементов сравнения)	Корреляция Пирсона (r)	Корреляция Спирмана (rs)	Уровень значимости (двусторонняя)
Корреляция оценок состояния региональных элементов массового и экспертного опроса	32	0,933	-	0,000
Корреляция оценок деятельности властей по решению проблем массового и экспертного опроса	32	0,92	-	0,000
Корреляция оценок участников решения актуальных общественных проблем массового и экспертного опроса	8	-	0,024	0,955

Оказалось, что при оценивании положения дел в регионе и действий властей, данные обоих опросов были согласованы, т.е. были получены коэффициенты корреляции, которые свидетельствовали о наличии сильной взаимосвязи оценок на уровне значимости $p < 0,05$. Коэффициент корреляции при оценивании состояния дел был равен $r = 0,933$, а при оценивании деятельности властей $r = 0,92$. Однако оценки активности участников регионального развития не совпали, коэффициент корреляции ($R = -0,024$) показал отсутствие связи на уровне значимости $p < 0,5$.

Далее была осуществлена проверка согласованности данных по каждому показателю. Первоначально мы изучили гомогенность дисперсий оценок полученных в ходе массового и экспертного опросов по каждому параметру. Оказалось, что в 28,1 % случаев наблюдалось различие в дисперсиях оценок по первому блоку, в 15,6 % по второму блоку. Причем дисперсии экспертных оценок были везде меньше дисперсий массовых оценок, т.е. мнение экспертов оказалось более согласованным. В третьем блоке дисперсии оказались однородными. Различия в дисперсиях говорит о размывании мнений жителей относительно некоторых рассматриваемых вопросов. Это свидетельство того, что жители сталкиваются только со своим кусочком реальности, о котором они формируют свое мнение. Анализ гомогенности дисперсий привел нас к необходимости использования непараметрических методов сравнения данных массового и экспертного опросов и в итоге мы использовали критерий Манна-Уитни для сравнения этих выборок.

В ходе анализа данных по критерию Манна-Уитни, оказалась довольно интересная картина. В 11-ти показателях из 32-х (34,4 %) в первом блоке, 11-ти из 32-х (34,4 %) во втором блоке, 3-х их 8-и (37,5 %) в третьем блоке наблюдалось расхождение в оценках. В трех независимых блоках присутствует примерно одинаковый процент расхождений (примерно 35 %). Это довольно хороший показатель, свидетельствующий о довольно высокой степени совпадений экспертных и массовых оценок.

С содержательной точки зрения тоже были выделены интересные закономерности. При анализе первого и второго блока показателей оказалось, что

различия присутствуют почти по одним и тем же параметрам (несовпадения отмечены в Таблице). Во-вторых, несмотря на то, что со статистической точки зрения различия есть, но при визуальном рассмотрении эти различия минимальны и составляют не более 0,5 баллов.

Таблица 2. Параметры состояния дел и работы властных органов, имеющие отличия в оценках массового и экспертного опросов.

Показатели	Различия по параметрам оценки состояния дел в регионе			Различия по параметрам оценки работы властных органов по решению проблем		
	разница в средних значениях x	U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	разница в средних значениях	U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
своевременная выплата заработной платы, пенсий, пособий	0,37	160 521,5	0,000	0,28	159 501,0	0,000
состояние дорог	0,24	176 108,0	0,003	0,31	169 126,0	0,000
система здравоохранения	-0,21	178 567,0	0,007	-0,16	179 285,0	0,036
борьбой с пьянством, хулиганством, наркоманией	-	-	-	0,20	161 828,0	0,019
охрана природы	-0,20	169 036,5	0,013	-0,19	165 205,5	0,010
поддержка малого и среднего бизнеса	-0,36	132 820,0	0,000	-0,22	137 162,5	0,006
уважение к людям различных национальностей	0,29	157 357,0	0,001	0,18	160 402,5	0,038
уважение к людям различного вероисповедания	0,27	160 314,0	0,003	0,17	160 129,5	0,045
качество государственных услуг населению	0,32	151 230,0	0,000	0,40	138 979,0	0,000
доступность электронной информации о работе органов власти	0,26	152 123,5	0,004	-	-	-
противодействие разжиганию вражды между гражданами	0,48	117 615,0	0,000	0,24	134 468,5	0,006
поддержка новых разработок в отечественной науке и технике	-0,19	130 349,5	0,029	-0,24	119 507,0	0,008
Всего рассматривалось 32 параметров	-	-	-	-	-	-
Различия в оценках активности участников решения проблем регионального развития						
Журналисты	-0,18	155 276,5	0,019	-	-	-
Политические партии	-0,38	133 57,0	0,000	-	-	-
Население	-0,37	134 125,5	0,000	-	-	-
Всего рассматривалось 8 участников				-	-	-

Анализ данных также показал, что разночтения происходят преимущественно по тем вопросам, о которых судить можно с экспертной и бытовой точек зрения. Экспертная точка зрения предполагает большую осведомленность по данному аспекту, и их включенность в организационно-управленческие процессы поддержки и развития региона. Однако отметим, что некоторые аспекты могут быть представлены одинаково на всей территории региона (это связано с центральным управлением этих элементов), а другие по-разному в различных сегментах территории и это обстоятельство также может служить причиной расхождения мнений.

К примеру, такие параметры развития региона как: возможность найти работу, состояние ЖКХ, торговля, качество продуктов питания, работа транспорта, учреждений культуры и образования, организация отдыха, работа органов правопорядка, проблемы с мигрантами и оппозиционерами, проблема демографии, поддержка бизнеса, выполнение планов по стратегии развития города воспринимаются и оцениваются одинаково жителями и экспертами.

Другие вопросы оцениваются по-разному. Эксперты завышали оценки в большей степени относительно состояния развития и активности властей по направлениям: *своевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий; активность властей по развитию дорог; противодействие разжиганию вражды; качество государственных услуг населению*. Это довольно острые проблемы для населения. Возможно, это связано с тем, что эксперты проживают в центральных городах, где общий уровень развития территории выше. Также эксперты обладают более высоким уровнем ресурсообеспеченности по сравнению с рядовыми жителями региона и это формирует такой повышенный оценочный эффект обеспечения своевременного выплат зарплат, пенсий и т.д.

По другим аспектам эксперты занижали оценки. Сильно занижена оценка *поддержка малого и среднего бизнеса*, в меньшей степени занижены оценки системы здравоохранения, охраны природы; поддержки новых разработок в отечественной науке и технике. Вероятнее всего эксперты обладают большей осведомленностью по данным вопросам, нежели население в целом. Также возможно и то, что у этой группы более высокие ожидания, с которыми они сравнивают реальность, поэтому их оценки ниже. Эти ожидания связаны с представлением о более высоком уровне качества жизни, на который и стоит ориентироваться в ходе разработки и реализации управленческих решений.

В третьем блоке показателей одинаковые оценки деятельности получили все органы официальной власти (федеральные, региональные, муниципальные), а также деятельность общественных и научно-образовательных организаций. С этими структурами все сталкиваются в одинаковых условиях и все ожидают от них примерно одинаковое. Деятельности журналистов, политических партий, населения оценивались экспертами ниже, чем населением. Возможно, у экспертов с этими группами связаны большие ожидания.

В итоге мы получили свидетельства о том, что данные экспертного опроса согласуются с данными массового опроса по вопросам не требующих специального изучения и дает немного отличную информацию по специальным вопросам. В этом случае эксперты дают скорее более релевантную информацию, т.к. базируются на аналитических выводах. Подтверждается утверждение, что по некоторым вопросам развития региона жители могут не обладать достаточной компетенцией для оценки. Однако мы зафиксировали и то, что завышенные оценки экспертов могут быть связаны с местом его проживания, поэтому при формировании экспертной группы необходимо брать экспертов из разных мест. Это возможно позволит и выровнять дисперсии оценок экспертов и населения.

Обобщенные выводы на основе пилотного этапа исследования.

Проведенный экспертный опрос позволил получить данные, на основе которых можно было сделать следующие выводы о характере социального группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Подобные данные не могли быть получены иным путем, т.е. экспертный опрос имеет очевидную уникальность применения.

1. При помощи экспертного опроса выделился *латентный созидательный потенциал социального группообразования* среди высококвалифицированных специалистов, занимающих либо позицию доминирующих субъектов управления (органы власти и управления), либо формирующих оппозиционную повестку с поддержанием/не поддержанием стратегических и проектных решений в рамках тех или иных сложившихся условий социокультурной модернизации региона.

2. Были установлены позиции экспертного сообщества региона в отношении реализации национальных проектов, что является существенным дополнением в установлении характера и форм социального группообразования. Данный вывод требует расширенной экспертизы на основе консолидации и компаративности данных всех направлений общего исследования (массовый и экспертный опрос, анализ СМИ и социальных сетей).

3. В регионах не созданы продуктивные социальные взаимодействия между бизнесом, властью, общественными организациями и населением, а следовательно нет эффекта группообразования. В регионах не создан коллективный субъект деятельности.

4. Отсутствует консолидация интересов территориальных агентов относительно реализации национальных проектов (включая органы местной власти), национальные проекты остаются идеей федерального уровня. Отсутствие интереса к реализации проектов приведет к имитации деятельности.

5. Национальные проекты не соответствуют возможностям регионов:

А) Региональный бизнес не будет вкладывать финансовые средства в реализации национальных проектов в связи с отсутствием заинтересованности и отсутствием возможностей.

Б) Регион столкнется с проблемами нехватки квалифицированных кадров для реализации проектов.

В) В регионах нет возможности хорошо организовать работу для решения задачи (отсутствие мотивации властных органов, наличие коррупции и т.д.).

На основе представленных предварительных выводов мы выдвигаем следующие рабочие гипотезы:

1. На данный момент происходит усиление интеграции федеральных властей и органов местного самоуправления. Будет осуществляться директивное управление, инициатором которого является федеральная власть. Данная мера направлена на ликвидацию эффекта имитации работы по развитию регионов.

2. В регионах естественных процессов группообразования нет, в связи с чем, будет происходить внешнее управление этими процессами.

Их объективная проверка возможна только в призме расширенного спектра эмпирических данных 12 регионов с различным уровнем социокультурной модернизации, а именно по факту экспликации социального группообразования на основе данных гражданской экспертизы в сопоставлении с фоновыми данными других дистанционных направлений общего исследования (массовый опрос, анализ СМИ, социальных сетей).

Библиографический список

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы/ Под ред. Лапина Н. И. М.: «Весь Мир», 2016, 356 с.

Богданов В. С., Гусейнова К. Э., Почестнев А. А. Социокультурная (цивилизационная) и институциональная обусловленность технологий обратной связи в работе звеньев властно-управленческой вертикали// Научный результат. Социология и управление. Т. 3, № 4, 2017. С. 35–48.

Лапин Н. И., Беляева Л. А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте/ Составление и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 806 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография]/ [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации// Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 176–183.